

БУДУЩЕЕ АФРИКИ

СЕКУ ТУРЕ

Президент Гвинейской Республики

СУБЪЕКТИВНЫЕ толкования — вот что лежит в корне одного неправильного представления, которое мешает правильно понять проблемы Африки, заботы и деятельность ее народов. Дело в том, что, как правило, толкования иностранных «специалистов» по африканским делам в основном исходят из условий их собственного социального окружения и, таким образом, слабо учитывают специфические условия, присущие различным африканским обществам.

Чтобы понять, проанализировать и разрешить проблемы Африки, мы должны принять во внимание исторические, экономические, социальные, моральные и культурные условия, определяющие ее самобытную сущность в мире — элементы африканской эволюции, главной целью которой по-прежнему остается освобождение африканских народов.

Попытки решать специфические африканские проблемы вне их контекста, исходя из каких-то плохо понятых универсальных концепций, игнорируют особо важные социальные факторы. Такой подход основан на предположении, что наука достигла своего предела, что нынешнее познание человечества абсолютно и неизменно и что в этих вопросах больше нечего ожидать, не к чему стремиться, нечего желать. Он исходит из того, что человеческое общество, достигнув зрелости, начинает клониться к закату. Напротив, все свидетельствует о том, что оно по-прежнему полно противоречий и несовершенств и что в этом причина испытываемых им трудностей, кризисов и отсутствия равновесия. Таким образом, пути прогресса не только не ограничены, но бесконечны во времени и пространстве.

Было бы нелепо предполагать, что американский рабочий может мыслить и действовать таким же образом, как председатель какого-нибудь крупнейшего нью-йоркского банка. Точно так же абсурдно ожидать, что действия африканцев и африканских наций будут отвечать представлениям, которые считаются универсальными, но в действительности яв-

ляются относительными и зависят от особых исторических и социальных условий.

Для человеческих проблем нет и не будет никаких простых решений до тех пор, пока огромные различия в условиях жизни разделяют народы, до тех пор, пока народы экономически слабо развитых или неразвитых стран сталкиваются с серьезной опасностью, вытекающей из трагического отсутствия потребительских товаров и орудий производства. У бедных народов, у экономически слабо развитых стран есть нужды и требования, необходимые для осуществления их надежд и не имеющие ничего общего с нуждами и требованиями высокоразвитых стран с их богатым населением. Нельзя удивляться тому, что все народы хотят безопасности и стремятся повысить свой жизненный уровень, ибо все люди жаждут прогресса, социальной справедливости, свободы, процветания и мира. Однако каждое из этих стремлений по своей срочности занимает особое место у каждого отдельного народа и связано с бесконечно разнообразными потенциальными способностями и возможностями.

Ввиду их исторического прошлого и нынешнего низкого уровня экономического развития у азиатов и африканцев есть гораздо больше общего друг с другом, чем с европейцами. Однако не с этой точки зрения и не исходя из этих фактов мы должны изучать проблемы, вытекающие из отношений между народами, если только мы не хотим подчеркивать разрыв, существующий в мире, и усилить уже существующее в обществе неравенствие. Вряд ли нужно подчеркивать, что эти проблемы касаются всех народов, наций и людей, сильных и слабых, богатых и бедных.

Поэтому было бы бессмысленно ожидать, что африканский земледelec с его простейшими орудиями, с его жалкой производительностью, с его нищенским жизненным уровнем (что, быть может, интересно с точки зрения экзотики, но по-человечески трагично) поступал и мыслил, как владелец фабрики. Бессмысленно ожидать, чтобы гвинейский наемный рабочий, будь то человек умственного или физического труда, мыслил и поступал, как рабочий «Дженерал моторс» или как рабочий металлургического комбината в социалистической стране. В различных условиях одни и те же слова имеют различные значения, причем иногда различия между ними очень велики. Но делать из этого вывод, что нации не могут понять друг друга, — значит не продвигаться ни на дюйм к разрешению проблемы. Тот факт, что африканские вороны — черные с белым воротником, не мешает им быть воронами, точно так же, как тот факт, что у африканских голубей зеленое оперение, не мешает им быть голубями. Чтобы понять и язык Африки и его истинное содержание, мы должны стремиться найти в его словах, выражениях, формулировках не абстрактную диалектику, а сущность той реальной жизни, которую они выражают. Эта жизнь составляет из человеческих императивов, социальных требований и жизненно важных материальных нужд. Эти требования и нужды становятся все более срочными и четко выраженными по мере роста сознания африканских народов и их способности понимать меру той социальной несправедливости, которая характеризует условия их человеческого существования.

Размах движения за национальное освобождение, которое внезапно привело к возрождению целого континента и включило его в ткань международной жизни, свидетельствует о силе этого коллективного сознания. Португальским колонизаторам и, если уж на то пошло, колонизаторам вообще не остановить

Статья опубликована в американском журнале «Форин афферс».

это растущее сознание тем, что они будут насаживать головы жителей Анголы на бамбуковые колья. Слишком много голов им пришлось бы отрубить для этого. В настоящее время происходит важная историческая эволюция, и ее последствия, прямые и косвенные, будут оказывать все большее влияние на эволюцию мирового общества в целом. Освободительное движение окажет на международную структуру более глубокое влияние, чем оказали две ужасные мировые войны.

Хотя население колониальных стран и полуколоний составляет большинство населения всего земного шара, эти страны существовали только географически. Конечно, они значились на карте, но народам этих стран, затыкнутым в смиренную рубашку, не придавалось никакого значения, потому что они были поработаны другими. Они внешне казались немymi и недвижимыми, но в действительности среди них нарастало сознание необходимости бороться за свободу. Сейчас большинство этих народов завоевало право на свободное и достойное существование. Позорная расовая сегрегация, сохраняющаяся в Южной Африке, ничего не меняет; напротив, она обостряет сознание африканских народов и укрепляет их характер. Она закалит их еще больше, когда неизбежное решительное столкновение с белыми расистами и реакционерами ЮАР заставит африканские народы вплотную заняться этой проблемой. Сталь закаляется в огне. Нельзя ли то же сказать о народах? Чем больше их сковывают и угнетают, тем более способны становятся они выполнить свою историческую миссию. Чем больше угроза их свободе, их личности, их достоинству, их надеждам, самой их жизни, тем более мощно вооружаются они на бой за то, чтобы вернуть и сохранить свою свободу и использовать свой суверенитет для того, чтобы удовлетворить свои нужды и обеспечить себе возможность жить и развиваться.

Таким образом, борьба за независимость, какую бы форму она ни принимала, какие бы средства в ней ни использовались, имеет лишь один смысл для африканских народов: прежде всего обеспечить себе возможность разрешить свои человеческие проблемы — проблемы людей, полностью сознающих свою ответственность. Представлять себе, что с достижением независимости все достигнуто и можно прекратить усилия, — значит закрывать глаза на очевидные факты, вступать в противоречие с исторической эволюцией и игнорировать существование бедных народов, которые сознают те несправедливости, жертвами которых они были, и жаждут использовать свои скрытые возможности.

Поэтому тщетно было бы надеяться, что Африка будет развиваться согласно какой бы то ни было формуле, которая будет навязываться ей против ее желания или сознания. Она будет развиваться в своих собственных самобытных рамках, в соответствии со своей собственной индивидуальностью, до тех пор пока ее экономические условия не утратят свои специфические особенности и не станут нормальными. Бесплезно говорить о «защите» Африки или давать ей подачки, чтобы успокоить совесть одних, временно притупить сознание других и увековечить неравенство народов путем сохранения различий в условиях их жизни. Точно так же бесполезно намечать единый путь, по которому Африка должна следовать. Африке должна быть предоставлена свобода идти своим собственным историческим путем, исходя из велений ее судьбы и учитывая требования общества, основанного на братстве и единстве.

Другими словами, речь идет об утверждении нашего «африканизма», то есть нашей самобытности, без попыток одеть ее в западный или восточный костюм. Речь идет о том, чтобы быстро и гармонично создать Африку, которая была бы подлинно африканской. У Африки есть свои нужды, представления и обычаи. Она не жаждет наряжаться во взятую напрокат одежду, которая ей не по мерке.

Полное исчезновение колониализма, ликвидация империализма и создание общества, свободного от привилегий, открывают новые и вдохновляющие перспективы справедливости, прогресса и всеобщего мира. Нужно ли напоминать о том, что, цепляясь за свои нынешние привилегии и техническое превосходство, высокоразвитые страны лишают себя творческих талантов и производительной способности сотен миллионов людей экономически слабо развитых стран? Уже сейчас научный потенциал всего мира нельзя мерить по отдельным странам. Все больше и больше использование вновь открываемых научных методов требует сотрудничества нескольких и даже всех стран.

По сравнению с другими континентами Африка несколько отстала. Но чему можно приписать эту отсталость? Какому-то природному неравенству между черными и белыми? Нет, ибо есть черные, которые по своей культуре и внутренней ценности стоят выше некоторых белых. Поэтому, поскольку речь идет о личных способностях людей, не существует такой вещи, как интеллектуальное неравенство, которое зависело бы от цвета их кожи или их расы. Неравенство существует исключительно в области условий жизни, в случайностях истории или, другими словами, в политических, экономических и социальных условиях, которые определили и определяют уровень развития в различных районах мира. То же можно сказать о политическом положении внутри стран, где политические факторы сковывали национальное развитие (например, в таких европейских странах, как Испания, Португалия и Греция). То же можно сказать об экономических и политических условиях там, где иностранное вмешательство приводило к эксплуатации и социальному угнетению (как в любой стране, прямо или косвенно находившейся под иностранным владычеством).

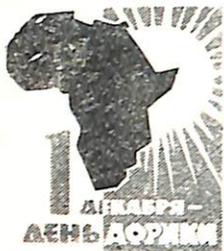
Но существует ли неравенство в области интеллекта? Мы категорически отвечаем — нет! Существует ли оно в области этики или социальных теорий этих двух стоящих друг против друга групп? Опять-таки мы отвечаем: нет! Африка не отстала ни в области моральной, ни в области духовной. Африканец живо чувствует разницу между добром и злом, живо сознает, что такое справедливость, свобода, солидарность, понимает высокую ценность труда и человеческой доброты, а также всеобщего мира, у него так же развито чувство ответственности, как у жителей Европы, Америки, Азии и Океании. У него — с незначительными особенностями — те же мерил ценности. Поэтому, даже условно, мы не можем считать его морально или духовно отсталым. Если неравенство существует, оно может быть лишь результатом экономических условий. Оно отнюдь не является врожденным дефектом, оно — следствие низкого уровня научного, технического и финансового развития наших стран. И хотя в этих отношениях Африка отстала по сравнению с другими континентами, она из-за этого не должна недооценивать свою человеческую индивидуаль-

ность, свои экономические, моральные и культурные ценности, свои духовные силы или тот вклад, который она может внести в мировую цивилизацию.

В течение прошедшего десятилетия Африка хорошо осознала свою отсталость в области материальной и жадно стремится достигнуть уровня стран с высоко развитой промышленностью.

Анализируя бедствия, испытываемые африканцами и всей черной расой в целом, мы вынуждены тотчас признать, что именно экономические факторы благоприятствовали рабству, вывозу нашего населения и сегодня благоприятствуют неокOLONIALИЗМУ. Африку эксплуатировали и угнетали из экономических побуждений; ее законное стремление к возрождению — социальному, моральному и культурному — должно быть осуществлено путем ее экономического развития.

Конечно, мы понимаем, что в мире сегодня все взаимосвязано и что

Африка, которая не может жить в изоляции, не намерена оставаться на грани современного мира. Она считает себя вправе пользоваться опытом других стран, так же как и плодами своих усилий, и, в свою очередь, она должна вносить свой активный вклад в создание мирового общества, в котором каждая нация, сохраняя свою индивидуальность, будет стоять на равной ноге с другими и, подобно им, нести должную долю международной ответственности.

Африку кроили и делили. Зло колониализма состояло не только в эксплуатации и дискриминации, но также в утрате свободы и в захвате суверенитета. Только когда народ объявляет себя независимым и тем самым осуществляет свой суверенитет, он может положить конец всем видам эксплуатации путем создания демократических институтов, развязывания творческой инициативы и обеспечения личной свободы на основе социального прогресса.

Величайшее преступление колониализма в том, что он пытался лишить нас ответственности за ведение наших собственных дел и внушить нам, что наша цивилизация — не что иное, как дикарство, и таким образом навязать нам комплексы, в результате которых на нас было наложено клеймо безответственности и отсутствия уверенности в себе. Поэтому наша величайшая победа над колониализмом будет заключаться не в достижении независимости, а в освобождении себя от комплексов колониализма, в выражении подлинных ценностей Африки и установлении нашей прочной связи с ними. Таким образом, африканские народы полностью осознают свое равенство с другими народами.

Колониальные державы вплели каждую свою колонию в свою экономику. Французские колонии были экономической отраслью французской экономики, английские колонии были продолжением экономики Англии. Между Гвинеей и Сьерра-Леоне, между «Французской» Гвинеей и «Португальской» Гвинеей существуют общие традиционные связи в смысле обычаев, истории и экономики. Тем не менее между ними не существовало никаких экономических отношений, потому что каждая из них представляла собой исключительно придачок к колониальному рынку соответствующей колониальной державы.

Мы знаем, что нам нужно заново построить Африку. Завоевать независимость и провозгласить независимость, сохраняя ее старую структуру, — значит вспахать поле, но не засеять его зерном, которое

даст урожай. Политическая независимость Африки — это средство, которое должно быть использовано для того, чтобы создать и развить общую африканскую экономику. Наш континент обладает огромными сырьевыми ресурсами, и они наряду с нашими потенциальными энергетическими ресурсами обеспечивают превосходные условия для индустриализации. Вот почему было бы нереалистично и неразумно помышлять об ассоциации африканских стран с европейским «Общим рынком» или с любыми другими видами экономической монополии. Следует надеяться, что будет организован африканский общий рынок, который впоследствии сможет сотрудничать с другими экономическими зонами на базе равенства и солидарности.

Единство Африки в такой же мере не является самоцелью, как и независимость. Оно просто средство обеспечить развитие, одна из сил межконтинентального сотрудничества. Оно необходимо ввиду несправедливого характера взаимоотношений между экономически слаборазвитыми африканскими странами и экономически сильными государствами.

Для того чтобы преодолеть социальное неравенство и нынешние различия в уровне развития во всем мире, необходимо добиться большего равенства в этих взаимоотношениях. Высокоразвитые государства поддерживают между собой отношения, основанные либо на сотрудничестве, либо на конкуренции. Но их отношения с экономически слаборазвитыми странами — это отношения эксплуатации, отношения экономического господства. Прямая колониальная эксплуатация прежних дней сменяется эксплуатацией международными монополиями, которые обнаруживают тенденцию к закреплению. Как это ни парадоксально, экономически слаборазвитые страны, экспортируя сырье и необработанные продукты, вносят существенный вклад в те блага и социальные завоевания, которыми пользуются трудящиеся высокоразвитых стран.

Характер наших экономических взаимоотношений на мировом рынке легко продемонстрировать. Только за последние десять лет цены на промышленные изделия на мировом рынке повысились на 24 процента, в то время как цены на сырье упали на пять процентов. Другими словами, слаборазвитые страны, экспортирующие сырье, к концу прошлого десятилетия получали за определенное количество сырья на треть меньше промышленных изделий, чем в предыдущие десять лет.

В свете этих обстоятельств легко понять, что экономическое единство и валютная независимость Африки не означают, как это наивно предполагают иные, что Гвинея сможет продавать свой кофе Республике Берег Слоновой Кости, свою копру — Дагомее и свои бокситы — Гане. Это означает, что по мере того как Африка вступает на мировой рынок как производитель, должны быть приняты все меры к тому, чтобы обеспечить справедливые взаимоотношения между активными силами, занимающими господствующее положение в международной торговле, взамен того зависимого положения, в котором экономически слаборазвитые страны находятся сейчас.

Один тот факт, что наряду с тревожными воплями о перепроизводстве кофе, какао и арахиса наблюдается молчание по поводу тех продуктов, спрос на которые все более повышается и цены на которые остаются устойчивыми (как, например, алмазы, золото, нефть, радиоактивные руды, цинк и медь), свидетельствует о меркантильном характере взаимоотношений между экономически высокоразвитыми странами и странами — производителями

сырья. В 1957 году суммарные пошлины на кофе, импортируемый во Францию, составляли 71 процент к его импортной стоимости, 72 процента — в Германии и 73 процента — в Италии. В чем тут дело — в протекционистских мерах в отношении кофе или в дискриминационных пошлинах? Можно ли отрицать, что в этот же период цена золота на французском рынке была ниже, чем, например, в Гвинее, благодаря добавочным импортным пошлинам, рассчитанным на то, чтобы помешать его продаже на месте?

Фактические трудности, возникающие внутри европейского «Общего рынка», показывают, что изменить нужно не форму экономических взаимоотношений, а самую их сущность.

Здесь, как и в других областях, у африканцев одни интересы, и сознание этого единства становится все более четким. Африканские страны понимают, что для того чтобы разрешить свои жгучие социальные проблемы, им нужно ускорить перестройку своей торговой экономики. Если путь к этому заключается в индустриализации, это не может быть достигнуто в рамках наших микроэкономик. Однако безоговорочное включение в многонациональный рынок, состоящий из высокоразвитых и слабо развитых государств, заранее отрицает возможность промышленного развития. Это может быть только «союзом» коня и всадника. Для того чтобы эти государства могли экономически дополнять друг друга, развитие всех входящих в ассоциацию стран должно осуществляться исходя из их единых нужд и общих интересов. Руководители европейского «Общего рынка», по-видимому, не учитывают этого, во всяком случае, поскольку речь идет об Африке, и насколько не скрывают своего намерения добиться политического объединения Европы, что непримиримо со стремлением Африки к политической независимости. Африка продолжает, как и всегда, занимать крайне непримиримую позицию по отношению к своему разделению, начавшемуся с Берлинской конференции 1885 года.

Единство, которого Африка так жаждет, будет достигнуто не вокруг какого-нибудь одного человека или одной страны, а вокруг конкретной программы, пусть самой минимальной. Устав союза должен поддерживать и укреплять общепризнанные принципы: равенство всех наций, больших и малых; братская солидарность в их взаимоотношениях; совместное использование некоторых ресурсов; уважение к характеру и институтам каждого государства. Не только не должно быть никакого вмешательства одних государств во внутренние дела других, но каждое государство должно помогать другим, решая стоящие перед ним проблемы. Если только мы быстро не создадим такую основу для солидарности, обеспечивающую нашим странам возможность мирной эволюции, мы рискуем тем, что «холодная война» проникнет в Африку и разделит африканские государства на антагонистические силы и блоки, поставив тем самым под угрозу все их общее будущее.

Эволюция наших стран в условиях мира и гармонии требует высокой степени сотрудничества. Мы всегда считали, что Африку надо рассматривать как единое тело: если отрезать палец, страдает все тело. Растущее сознание того, что у всех нас единое будущее, должно заставить нас более

энергично стремиться к этому сотрудничеству, к солидарности, к активному и сознательному участию африканцев в мировом прогрессе.

Далее, когда мы говорим о возрождении африканцев, мы не предаемся расистским теориям, но действуем, подчиняясь моральным и историческим велениям. Слишком много мы страдали от злобы и презрения других! Мы должны действовать так, чтобы в будущем нас уважали, и этого мы сумеем добиться, если будем сами уважать себя и умело справляться с лежащей на нас ответственностью. Это проблема человеческого достоинства и совести.

Кое-кто усматривал признаки политического антагонизма в создании различных африканских группировок. В действительности же это были первые конкретные проявления единства, вытекающие из человеческой и исторической необходимости. Несмотря на скептицизм, эта тенденция к единству будет расти. Политические решения, которые не будут отвечать нуждам и чаяниям наших народов (что очень важно понять), обречены на неминуемый провал.

Что же касается лица объединенной Африки, какой бы выбор она ни приняла в своей ориентации, оно не будет обращено ни против Востока, ни против Запада. Прежде всего и в основном оно будет направлено к эмансипации и прогрессу Африки и ее народов. В нашей борьбе за свободу нет места для негативного выбора, но только для позитивного мышления и конструктивных действий. В этой борьбе будет уничтожено и понесет поражение лишь то, что в силу исторической необходимости, человеческих потребностей и требований прогресса обречено на уничтожение и забвение.

Тот факт, что, по мнению некоторых, социализм больше всего отвечает задачам африканской реальности, в то время как другие, несмотря на отсутствие национального капитала, предпочитают воспринять капиталистические принципы, в конечном счете не помешает нашим народам самим решить свою судьбу. Именно от них требуются жертвы и творческие усилия, необходимые для того, чтобы обеспечить развитие Африки. Они достаточно сознательны для того, чтобы суметь выбрать путь, по которому они хотят идти.

Решая эти вопросы, наши народы будут принимать во внимание реальности XX века, огромные возможности будущих человеческих достижений, так же как и знания, опыт и открытия, накопленные на протяжении прошлых веков. Их обязательства будут соответствовать их надеждам на будущее благо. Это будут такие обязательства, которые внесут подлинный вклад в дело прогресса в условиях мира и человеческого счастья.

Поэтому африканский нейтралитет — это не постыдное безразличие, не своего рода политическая демобилизация. Напротив, это выражение живой веры в счастливое будущее человечества. Это нечто деятельное, участвующая сила, активный фактор в борьбе за создание освобожденного, братского и единого человеческого общества. Будем же надеяться, что высокоразвитые страны и народы сумеют понять это историческое движение в его всеобщем значении и примут в нем полное участие, сознательно стремясь помочь созданию свободной и процветающей Африки в мире, основанном на мире и братстве народов.